

После утраты воспоминаний Юри ощущала себя так, будто живёт в невесомости. Казалось, тонкая грань между реальностью и выдумкой стёрлась, а на её месте стали возникать разломы, сквозь которые пробивалось нечто тревожное, в случае Юри — побуждения к причинению себе вреда и самоубийству.

После двух неудавшихся попыток Юри покончить с жизнью дядя, обеспокоенный состоянием племянницы, отвёл её к специалисту, доктору Дэвису.

Вникнув в суть дела, доктор Дэвис, как один из ведущих специалистов в этой области, поставил Хан Юри новый диагноз: посттравматическое стрессовое расстройство.

Дэвис убеждал Юри первым делом взяться за заживление психологической травмы, а для этого было необходимо определить, с чего всё началось. Врач подошёл к решению медицинской загадки с полной серьёзностью и даже решился на намеренное создание травмирующих ситуаций с целью пробудить скрытые воспоминания. Ответом на новые травмы могла стать активация защитного механизма, вследствие чего пациентка если бы и не избавилась от мучительных переживаний, то, как минимум, поделилась бы ими с доктором.

И всё же лечение многократно заходило в тупик. Отторжение, проявлявшееся у Юри, превосходило ожидания доктора Дэвиса: всякий раз, когда женщина пробовала восстановить хотя бы крупицу воспоминаний, её поражал приступ острой боли, сопровождаемый рвотой и последующим обмороком.

Наконец, доктор Дэвис решил повременить с классической медициной и познакомил Юри с Роем Джином, сказав, что тот заинтересовался пациенткой, пока она проходила арт-терапию.

Рой Джин, известный художник-инсталлятор, был близким другом доктора Дэвиса. В тот период творец, как и сама Хан Юри, переживал упадочное настроение, пребывал в длительном перерыве от работы и восстанавливал силы под чутким надзором друга-профессионала. Юри получила предложение занять место ассистента художника. Так Рой Джин стал для неё учителем, руководителем и покровителем.

Один за другим, на пустых улицах появлялись прохожие. Солнце постепенно поднималось из-за горизонта и знаменовало начало нового дня.

С чашкой кофе в руке Юри смотрела в окно, как вдруг зазвонил телефон. Звонок поступал от Роя.

— Рой? Как дела? — удивлённо спросила ассистентка, отставив в сторону чашку.

— Я получил твоё письмо, — ответил тот.

— Разве ты не спал?

— От дождя сон не идёт, а дождит у меня с прошлой ночи. Сама-то как?

— Только проснулась.

— Тебя не устраивает новый отель?

— Нет, не в том дело, просто приснился дурной сон.

В отеле «Соин» Хан Юри останавливалась впервые. Руководство универсама компании «Тэджин» само предложило обеспечить ассистентке комфортное пребывание в Южной Корее и забронировало номер. Отказаться от такого предложения она не посмела, ведь ей предоставлялся не просто номер, а номер люкс.

Поначалу Юри была восхищена внезапной роскошью, однако радость длилась недолго. Едва женщина переступила порог номера, голова закружилась, руки и ноги задрожали, а грудь сдавило удушьем, как при панической атаке. Чудом Юри удалось покинуть комнату без происшествий. После этого ей оставалось лишь попросить руководство универсама об отмене проживания в злополучном номере.

Голос Роя успокоил мысли Юри. Каким-то образом ему всегда удавалось вселить в подругу уверенность. С тех пор как художник спас Юри от надвигавшейся смерти, она развила к нему сверхъестественную привязанность.

Юри никогда не забудет лицо Роя, увиденное в тот день, взгляд, встретивший её, когда она открыла глаза. В глазах художника читалось... сожаление. До сей поры Юри наблюдала на лице Роя всё то же выражение.

— Когда будет доставлено «Сердце»? — уточнил Рой Джин.

— Через два дня, — ответила ассистентка.

— Ясно. Я ознакомился с письмом и, думаю, тебе стоит сбавить тон основного освещения в выставочном зале, чтобы усилить ощущение глубины, а огни вокруг экспоната, наоборот, сделать ярче.

— Хорошо, я передам пожелания руководству универсама.

— Каково тебе вернуться на родину после стольких лет? Дэвис говорит, так тебе будет проще разобраться с воспоминаниями.

— Если честно, не знаю.

— Вот как?

Друзья продолжали телефонный разговор. Юри уже собиралась завершить вызов, однако Рой решил затронуть новую тему.

— Юри, ты ещё рисуешь «того самого мужчину»? — поинтересовался художник.

От внезапного вопроса у Юри перехватило дыхание.

— Нет, больше не рисую, — придя в себя, ответила женщина.

Арт-терапия, прописанная доктором Дэвисом, включала в себя занятия рисованием, во время которых Юри удивительным образом приходила к одному и тому же результату. Независимо от времени и места руки Юри всегда рисовали мужчину, а, дерзая она воспротивиться этому навязчивому циклу, вовсе отказавшись рисовать, мужчина являлся ей во сне. Другими словами, скрыться от таинственного мужчины Юри была не в силах.

Повесив трубку, Юри рухнула на кровать. Казалось, некто лишил её жизненных сил. Женщина долго смотрела на свои руки. Когда-то эти руки создавали шедевры. Они служили Юри волшебной палочкой, исполняющей её волю и очаровывающей каждого. Вместе они творили чудеса.

Сейчас же всё это воспринималось как события из другой жизни, ибо руки пришли в совершенную негодность. Они стали обычными руками, утратившими магические свойства, бездушными, мёртвыми. Их хозяйка сама не понимала, как докатилась до такого. Возможно, её проклинали.

Юри с безнадежностью закрыла глаза.

Когда встреча Юри с организаторами выставки в универмаге «Тэджин» подошла к концу, уже настало время обеда. Юри была голодна. Подумывая вернуться в отель, она спустилась на эскалаторе и заскочила в ресторанный дворик за лёгким ланчем.

Даже на подступе к заведениям общественного питания ощущался доносящийся из них аромат вкусов. Сам же ресторанный дворик встретил Юри просторной зоной, по одному краю застроенной разнообразными киосками. Юри успела привыкнуть к такой концепции, однако к подозрительно аппетитной на вид еде относилась с опаской.

Остановиться ассистентка решила в пельменной «Сохвадан».

Увидеть вывеску этого ресторанчика в универмаге оказалось для Юри неожиданностью.

«Сохвадан» был старейшей пельменной в Чонсоне. Изначально ресторанчик располагался в старинном корейском домике ханок*, с теплотой отдававшим дань уважения народным традициям.

П.р.: ханок – традиционный тип корейского жилого дома.

Это место славилось своими паровыми пельменями. Во дворе ресторанчика висел большой котёл, в котором каждому позволялось приготовить собственную порцию. Клиентам нравилась такая задумка, постепенно прославившая старенький ресторанчик, а котёл стал символом этого причудливого заведения. Каждый, кто хоть немного знаком с пельменной «Сохвадан», с первого же взгляда узнавал знаменитый сосуд.

Хотя современное оформление пельменной и отличалось от того, что знала Юри, пельмени в ней до сих пор подавались в небольших котелках, подтверждающих верность традициям, а пар, исходящий от блюд, доказывал подлинность увиденного: действительно, это именно та пельменная, так полюбившаяся Юри.

Подойдя к кассе, невероятно довольная Юри без лишних раздумий заказала пельмени с курицей и зелёным луком. Она обожала это лакомство прежде и с нетерпением ожидала вкусить его вновь, однако этому желанию не суждено было сбыться.

— Извините, приготовление вашего заказа займёт слишком много времени. Может, закажете что-нибудь другое? — возразил кассир.

Какая жалость. А ведь Юри так хотелось отведать любимого блюда...

Женщина всерьёз подумывала терпеливо дожидаться приготовления свежей партии желанных пельменей. Внезапно неизвестный голос оборвал её раздумья.

— Вычтите блюдо из моего заказа, вместо него я возьму креветок, — проговорил клиент.

Юри подняла голову. На неё смотрел высокий мужчина с ярко-каштановыми волосами и красивыми глазами.